

ТАМАРА
МИХЕЕВА

дети дельфинов

КомпасГид
издательский дом

Тамара Михеева

Дети дельфинов

ИД "КомпасГид"

2015

УДК 821.161.1-311.3-93
ББК 84(2=411.2)6-445.5

Михеева Т. В.

Дети дельфинов / Т. В. Михеева — ИД "КомпасГид", 2015

«Дети дельфинов» – история о невероятных приключениях самого обычного мальчика Сережи, который живет на крошечном Лысом острове, в научном центре по изучению океана и его обитателей (в первую очередь, дельфинов). Однажды на остров приезжают еще двое детей – Максим и Роська. Втроем они исследуют окрестности и вдруг обнаруживают животных, которых никто до этого не видел. Во время очередной вылазки ребята забредают в «запретную зону». Оказывается, остров гораздо интереснее и... многолюднее, чем они могли предположить... «Дети дельфинов» не просто захватывающая фантастическая повесть. Это книга о взрослении, об обретении друзей и о том, что в жизни каждого наступает момент, когда он должен взять на себя ответственность за то, что происходит в его мире, чтобы не дать этому миру исчезнуть навсегда. Тамара Михеева – обладатель множества литературных наград в области детской литературы, лауреат национальной премии «Заветная мечта» и конкурса художественных произведений для подростков имени Сергея Михалкова. В 2014 году в издательстве «КомпасГид» вышла повесть Тамары Михеевой «Асино лето» – о чудесных происшествиях в детском лагере, – которую сразу полюбили дети и родители... Иллюстрации Ольги Брезинской.

УДК 821.161.1-311.3-93
ББК 84(2=411.2)6-445.5

© Михеева Т. В., 2015
© ИД "КомпасГид", 2015

Содержание

Глава I. Осташкины	6
1	6
2	8
3	11
4	12
5	14
6	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Тамара Михеева

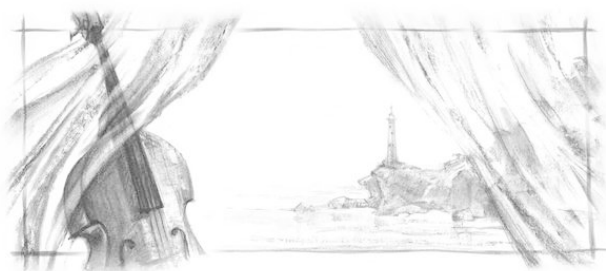
Дети дельфинов

© Михеева Т., текст, 2015

© Брезинская О., иллюстрации, 2015

© ООО «Издательский дом «КомпасГид», 2015

Глава I. Осташкины

1

Меня зовут Сережа. Только меня редко кто так называет. Чаще всего зовут Листиком. Это из-за фамилии. У меня фамилия, как у знаменитого композитора – Лист. Только мы не родственники, просто однофамильцы. Мама этого Листа очень любит, а я в музыке ничего не понимаю. Ни слуха у меня нет, ни голоса. Папа говорит: «Ирония судьбы». Наверное...

Но однажды я прославился. Я пробрался в кабинет Степанова, хотя он страшно засекреченный, и увидел там контрабас. Конечно, я не удержался и попробовал. Ну неужели у меня с тем Листом, кроме фамилии, ничего общего нет? Я так увлекся, что даже не заметил, как передо мной возник сам Степанов. Он захлопал в ладоши и сказал насмешливо:

– Браво! Для Листа, пожалуй, слабовато, но для Листика – вполне.

Он взял меня под мышки и опустил через окно в сад. Там на скамейке сидели Вероника и Леша Смелый. Они засмеялись. Подумаешь! Весь остров зовет меня Листиком, потому что я младший Лист. А что Степанов меня засек... попробуйте сами в его кабинет пробраться!

Так-то во мне ничего необычного нет. Мне двенадцать лет, я люблю мороженое и орехи, собак люблю, особенно своего Гаврюшу, книжки про рыцарей и пиратов. Люблю плавать, лазить по деревьям и ходить босиком. Любимая моя одежда – это тельняшка и шорты, которые нигде не жмут. В общем, я самый обыкновенный. Необычно во мне только то, что живу я на Лысом острове. Но это не во мне, а вокруг.

Лысый остров назван так, наверное, в насмешку, потому что такой буйной растительности, как у нас, нет нигде в мире. Я смотрел передачу про джунгли Амазонки. Куда им до нашего леса! Конечно, так у нас не везде. В Поселке вполне прилично, как на любом морском побережье. Пальмы, дубы, кипарисы. На востоке от Поселка – густой орешник, спокойная речка Янка, луга с высоченной травой.

Зато в глубине острова непролазная чаща, бурелом такой, что без топора не пройти. Там растут ядовитый цветок ясенец и держи-дерево. И дикие звери, конечно, там тоже есть. Волки, пятнистые олени, косули, рыси... Все это мы знали по рассказам Степанова, он один был в этих джунглях. Заблудиться там проще простого. Да еще ядовитые змеи, их там целые тысячи! Поэтому особым указом Степанова в лес ходить строго-настрого запрещено.

Наш остров, он даже не большой, а просто огромный. Чтобы обойти его по берегу, нужен не один день и не два, а целая неделя. Или две. А может быть, даже месяц. Никто никогда этого не делал, если честно. Поэтому никто не знает, что там, на той стороне острова.

А на этой стороне расположен Научный центр, изучающий дельфинов. В Центре полным-полно кабинетов, лабораторий, бассейнов, аквариумов. Заблудиться можно. Самый главный здесь и на всем острове Андрон Михайлович Степанов. Он хороший, только скрытный.

Живет один, почти ни с кем не общается, даже дорогу к своему кабинету засекретил. Все знают, где его кабинет находится, точные координаты указаны в Общей Таблице; если идешь туда со Степановым, все просто, согласно указанному адресу. Но если один сунешься... ни за что не найдешь! Коридоры, лестницы и двери будто нарочно путаются и меняются местами. Можно заблудиться так, что целый день тебя никто не найдет, кричи не кричи. И кажется, будто ты на другой планете. А главное, непонятно, как это получается. Вероника как-то возмутилась:

– Андрон Михайлович! Это невыносимо! А вдруг что-то срочное?

– Для этого телефон есть. Ксения Фаддеевна всегда на месте.

Вероника подумала и сказала:

– Рядом с вами кабинет по ультразвуковым исследованиям, до него тоже не доберешься!

– Не лгите, Вероника. Если бы вы шли в кабинет № 34, у вас бы не возникло никаких трудностей.

Это правда. Если идешь по делу и о кабинете Степанова не думаешь, то вот он, не прячется. Спокойно... проходите мимо, а Андрону Михайловичу, будьте добры, не мешайте работать. А уж если он вам позарез нужен – ни за что не найдете! Может, кому-то это покажется странным, но мы уже привыкли.

И вот на этом самом Лысом острове я единственный ребенок! Я и родился здесь. И учусь самостоятельно. Раз в месяц мы с мамой ездим на Большую землю в школу, к которой я «прикреплен», и я сдаю зачеты по всем предметам. А если я чего-то не знаю, то учителя мне сами объясняют и рассказывают. А потом дают новые задания. Так учиться совсем не трудно, мне все на острове помогают. Маленькому хорошо среди взрослых. И все-таки... ничего мне так сильно не хотелось, как иметь друга! Хоть бы один мой ровесник был на острове! Но самый молодой сотрудник Центра Леша Смелый старше меня на десять лет.

И вот в это лето все изменилось: у нас на Лысом появилось еще двое ребят.

В то утро я, взяв папин бинокль, отправился на Хребет Дракона (так у нас называется грудка камней над морем в одной бухте). Я на море могу бесконечно смотреть. Папа иногда даже сердится. Говорит:

– Неужели ты за всю жизнь к нему не привык?

А я не могу привыкнуть. Потому что море всегда разное. Мне кажется, что с ним можно дружить, почти как с человеком. Слушать, как оно разговаривает волнами. Доверять ему свои секреты. Оно ведь никому не расскажет. Смотреть, как оно меняет цвет, будто одежду. Иногда оно делает мне подарки: красивые камешки, ракушки, куски черепицы с не нашими буквами...

Сегодня я смотрел, не приплывут ли дельфины. Но их все не было и не было. Зато занырял среди волн белый катерок метеослужбы с Большой земли. Он причалил к берегу и стал выгружать пассажиров. Это были ребята. Мои ровесники! Девочка и мальчик! Судя по багажу, они приехали надолго.

2

Сейчас я вам подробно опишу Роську. Сделаю я это потому, что она мой самый первый в жизни друг. Понимаете? Самый-самый первый! Если бы вы двенадцать лет прожили на острове, заселенном только взрослыми, вы бы меня поняли.

Роська – это сокращенно от Ярославы, полное имя у нее такое. Лицо у Роськи круглое, как луна, а глаза на пол-лица и как море. Это не поэтический образ, как в книжках, просто ее глаза так же, как море, умеют менять цвет. Вроде бы темно-серые, обычные глаза, но поднесет Роська к лицу сиреневые колокольчики, и глаза тут же станут сиреневыми; заберется в гущу зеленых кипарисов, и глаза позеленеют. Вот какие у Роськи глаза! А ресницы тоненькие, и не черные, а коричневые, с золотистыми кончиками, будто по ним мазнули золотой краской и они засветились. Волосы цвета степной травы она заплетает в две косички. Вот и вся Роська. Я, конечно, не сразу все это рассмотрел, и Роська была просто девчонка. Но она была на Лысом! Я смотрел в бинокль, как они разгружаются, а сердце у меня так и бухало. Я не выдержал и побежал к пристани. За рулем катера был мой знакомый метеоролог, он сказал:

– А, Листик! Принимай гостей.

Значит, всего лишь гостей... Ну и пусть! Лето-то только начинается, а они наверняка на все лето, вон сколько вещей. Катерок отчалил. Девочка смотрела на груды чемоданов, коробок и сумок.

– Как же все это нести, Максим?

– Как раньше несли, так и сейчас понесем, – откликнулся мальчик.

– Раньше с нами была тетя Марина.

Если бы вы двенадцать лет прожили среди взрослых, а сверстников видели только раз в месяц, то и вы бы, наверное, не умели знакомиться. К любому взрослому мне ничего не стоило подойти, но как знакомятся ребята, я понятия не имел. Вернее, имел, по книжкам и фильмам, но у меня бы духу не хватило подойти и сказать: «Привет, меня зовут Сережа Лист, давайте дружить». А эти двое меня будто не замечали (может, они тоже с какого-нибудь острова?). Но в конце концов я решил, что они здорово во мне нуждаются, ведь я здесь вроде хозяина... И подошел.

– Помочь?

Девочка просияла. Мальчишка остался хмурым.

– Ты местный? Ты здесь живешь, да? Такое живописное место! Мы тоже будем теперь здесь жить. – Она покосилась на мальчика. – Скорее всего. Посмотри, сколько у нас вещей! И все это мы везем через всю страну! И самое главное, тетя Марина сломала по пути ногу, можешь представить? Просто стихийное бедствие какое-то! И ее положили в больницу! Она, конечно, сначала погрузила нас в этот катер, но если здесь нас никто не ждет, я даже не представляю, что нам делать!

– А вы к кому приехали?

Девочка приняла очень важный вид, а мальчишка помрачнел еще больше.

– К Веронике Алексеевне Невозможной. Улица Летняя дуга, дом № 2.

– Пойдемте, – вздохнул я. – Да оставьте вещи, никто не тронет, потом тележку у Леши попросим, отвезем.

– Правда? Совсем никто не тронет? Ну... пойдём, если ты уверен.

Я посмотрел на мальчика. Он, наверное, мой ровесник или чуть постарше. Толстоватый, круглолицый, с большими, как у девчонки, глазами. Хмурый он какой-то, будто всем недоволен. Мог бы и поразговорчивее быть! Или он думает, что здесь полным-полно детей? Конечно, я надеялся на него. Что мы подружмся. Будем вместе купаться, «Тома Сойера» читать, можно плот построить и шалаш в лесу. Не с девчонкой же мне дружить!

Хотя она хотела подружиться, это я понял, потому что болтала она без умолку.

– Максим учится в шестом классе, а я в пятом. Здесь, конечно, есть школа?

– Конечно, нет, – усмехнулся я и рассказал, как учусь. Девочка слушала, приоткрыв пухлогубый рот.

– Ничего себе... Наша фамилия – Осташкины.

Брат с сестрой. Так я и подумал. Мы поднялись по Первому Маячному спуску. Девочка всему удивлялась, мальчишка был как каменный.

– Меня зовут Ярослав. А сокращенно Роська. Это Максим. А Вероника Невозможная – наша двоюродная сестра, мамина племянница. Она, наверное, очень занятой человек, да?

– О, да!

– Наверное, это покажется тебе странным, но мы никогда ее не видели.

Так она разговаривала всю дорогу, стараясь быть очень вежливой и то и дело обращаясь к брату, но он отвечал либо односложно, либо вообще отводил глаза в сторону и молчал. Но Роську это не смущало. Она рассказывала, как их тетя Марина сломала ногу, когда выходила из поезда, как они искали больницу, а потом катер, как уговаривали дядю Сашу-метеоролога

отвезти их на Лысый, как ехали по морю, видели яхту и стаю дельфинов. Я слушал ее так, вполуха, но смотреть на Роську мне нравилось. На ней было платье с матросским воротником, и вся она была такая тоненькая, веселая.

Уже у самого Вероникиного дома я спросил:

– Вы на все лето приехали? И как вас родители одних отпустили! Мои бы ни за что...

– Видишь ли, – спокойно ответила Роська, – наши родители погибли. Мы остались совершенно одни, а Вероника – наша единственная родственница.

3

Вот так штука! Люди-то без родителей... Получается, что у Осташкиных такая беда случилась, а мне от этого будто бы хорошо – моя заветная мечта сбылась, на Лысый приехали ребята! Но если бы не их горе, где бы они сейчас жили с родителями, с кем бы дружили?

Но обо всем об этом я подумал уже потом, а в тот момент, когда Роська про это сказала, я просто замолчал и даже не знал, что ответить. Максим дернул меня за рукав и спросил медленно:

– Скажи, а наша сестра, Вероника... ты ее знаешь?

– Конечно! Здесь все друг друга знают, а Веронику не знать просто невозможно.

– А какая она? Расскажи, пожалуйста.

Я задумался. Что я мог сказать про Веронику? Во-первых, Невозможная – это ее фамилия. Все считают, что фамилия говорящая. Моя мама ею восхищается. Она говорит:

– Вероника просто необыкновенная! Такая красота, такой ум, такой темперамент – и все в одном человеке! В нее невозможно не влюбиться.

– С ней невозможно работать! – восклицает на это папа. – Она упрямая, дерзкая...

– Красивая, – вставляет мама.

– И что с того? Это не значит, что можно позволять себе все что угодно!

Папа работает с Вероникой в одной лаборатории, и их мнения часто расходятся. К тому же Вероника постоянно нарушает дисциплину. Она вообще всегда делает, что хочет, ни с кем не считаясь.

Позапрошлой весной, например, у нас заболела дельфиниха Стеша, самая замечательная из всех дельфинов. Лечили ее долго, аккуратно, сам Степанов ею занимался. А Вероника настаивала, что Стешу надо отпустить в море. Мол, Штешина болезнь – редкий случай тоски по воле. Мол, стоит только выпустить ее, она сама собой выздоровеет. Никто с Вероникой, конечно, не соглашался (кроме Мераба Романовича), говорили, что это дилетанство, а это слово у нас – самое страшное ругательство. Сколько сил и денег на Стешу было потрачено – не пересказать. Но ей становилось все хуже. И вот однажды ночью Стеша исчезла. Утром Вероника призналась, что это она выпустила ее на волю. Без Леша Смелого и Мераба Романовича тут, конечно, не обошлось. Скандал был грандиозный! Веронику даже хотели уволить, но через два дня наши наблюдатели засекли Стешу в море. Совершенно здоровую. Вероника ходила победительницей. Степанов ограничился строгим выговором, сокращением полномочий и долгим разговором в своем секретном кабинете. Но все это мало подействовало на Веронику, наоборот: зазнаваться она стала еще больше.

Да, характер у нее сложный, но мама права: Вероника очень красивая. Может, поэтому ей многое прощается. Я давно заметил, что красивым людям часто сходит с рук то, за что обыкновенным здорово бы влетело. Вероника высокая и почти на всех смотрит с высоты своего роста. Ходит она так быстро, что ее длинная черная коса летает из стороны в сторону. Она похожа на добрую королеву из сказок. И когда на нее смотришь, как-то тепло внутри делается, будто она погладила тебя своими большими горячими руками, и сразу понимаешь, почему в нее так влюблен Леша Смелый и почему он при ней становится тихим и неразговорчивым. Только вздыхает.

Но что ответить Максиму, я не знал. С уверенностью можно было сказать только, что они будут предоставлены сами себе, потому что единственное, что интересует Веронику по настоящему, – это ее работа.

– Ну... сами увидите, – промямлил я и нажал кнопку звонка.

4

Я так и не узнал, как встретила ребят Вероника Невозможная. Услышав ее шаги за дверью, я сказал небрежно:

– Ладно, увидимся!

И поспешил уйти. Если честно, мне не хотелось встречаться сейчас с Вероникой. Она обязательно скажет что-нибудь неприятное. Например, поднимет одну свою красивую бровь и усмехнется:

– Наш пострел везде поспел.

И это прозвучит как: «Наш Листик, как всегда, влез не в свои дела». И хотя я совсем никуда не лезу, Осташкины могут подумать про меня всякое.

В общем, поплелся я в полном одиночестве по Поселку. В Кедровом переулке я встретил Оптова. Его звали Илья Аркадьевич, а прозвище было – Ослик ИА. Оптов, высокий, худой и очень грустный, занимался электроникой, прикреплял датчики к дельфинам и вообще был у нас первым мастером по технике. В свободное время ремонтировал телевизоры, магнитофоны и Вероникин компьютер, который постоянно ломался, не выдерживая ее темперамента, как говорили в Поселке. Мне Илья Аркадьевич нравился. Он не задавался, как некоторые, мог остановиться, поболтать. У него была жена – тетя Света. Маленькая, сухонькая и вся седая.

Все в Поселке их жалели. У них был сын Игорь, очень талантливый: он мог суперсложное электронное устройство сделать микроскопического размера. Два года назад он приехал сюда погостить и пропал в лесу. После этого-то Степанов и строго-настрого запретил туда соваться.

Я Игоря хорошо помню, он подарил мне самолетик. Подарил и сказал:

– Всегда носи его с собой, он принесет тебе удачу.

Самолетик был красивый: ярко-красный, с золотыми колесиками, крыльями, пропеллером и прозрачной кабиной. Очень маленький и мог прикрепляться, как значок, к одежде, но я носил его в кармане, потому что был он, если честно, тяжелый. А еще – чтобы ИА и тетю Свету лишний раз не расстраивать. Они как Игоревы игрушки увидят, так сразу... ну, вы понимаете... Игорь многим в Поселке таких игрушек надарил. Кому автомобильчик с мотором, кому паровоз, кому ракету. Моему папе – парходик, маме – смешного лягушонка, а Петушкову – альпиниста с огромным рюкзаком. Все потом говорили: будто чувствовал он, будто на память...

ИА улыбнулся мне своей печальной улыбкой, спросил:

– Что нового в этом мире, Листик? Ты ведь у нас раньше всех встаешь, все знаешь.

По-моему, он специально говорил мне всякие хорошестьи, чтобы подружиться. Наверное, очень тосковал по сыну, хотя Игорь большой, а я маленький. Лучше бы с Лешей Смелым подружился, он тут больше подходит.

– Да так... – сказал я как можно равнодушнее. – К Веронике гости приехали. Брат с сестрой, мои ровесники.

– Да? – живо отозвался ИА. – Будет теперь тебе повеселее, да?

И пошел своей дорогой. А я – своей. Я слонялся по Поселку все утро. Проверил беременную дельфиниху Жанну, заглянул к Петушковым, помог тете Свете воды из колонки натаскать, а потом пошел в Холмы.

Холмы – это такое особенное место, самое красивое у нас и самое мое любимое. Ничего в них такого вроде бы нет, но когда сидишь на Зеленом холме долго-долго, то будто в плену оказываешься, только непонятно, что тебя держит. Зеленый холм самый высокий и единственный поросший лесом, после него никакого леса уже нет, и цветов нет, одна желтая трава. Все Холмы поросли ею. Один за другим тянутся они к горизонту, низкие, пологие, с еле видными тропинками и скоплениями гладких камней. И кажется, что этой холмистой пустыне нет ни

конца ни края. Я так ни разу и не дошел до границы Холмов, а она есть, ведь мы же на острове. Мне нравится на них смотреть, особенно когда надо подумать о чем-нибудь важном. Тихо трогает ветер макушки трав, проскальзывают между камней юркие ящерицы, у горизонта толпятся низкие облака. Если долго смотреть на эти облака, то начинает казаться, будто это конница собирается в дальний поход. И вот она уже мчится мне навстречу, поднимая степную пыль, подминая траву... Иногда я будто даже слышу грохот копыт и окрики всадников. Но нет, все это только кажется, и здесь я всегда один: ни человек не появится, ни птица не пролетит, ни лоскутный заяц не прошмыгнет. Только ветер да ящерицы. Прямо колдовство какое-то.

Я спрашивал про Холмы у взрослых, но все только плечами пожимали:

– Холмы как холмы, что в них особенного?

А мама вообще обняла меня за плечи и сказала:

– Это, Сережа, у тебя просто воображение богатое.

Ну и ни при чем тут мое воображение! Ведь два года назад на одном холме я нашел наконец-то от стрелы. Тяжелый, отлитый из какого-то красного металла и без малейших признаков ржавчины! Я храню его в своем ящике.

Я вернулся с Холмов в Поселок и сразу встретился с Вероникой. Точнее, она налетела на меня как шквал.

– Послушай, Листик, у меня дел по горло, и ты тоже хорош: привел гостей и бросил.

Будто это мои гости!

– Мог бы показать им поселок, Маяк, с дельфинами познакомить... Они сюда надолго, так что контактируй, Листик, контактируй!

Да я-то с радостью!

– Они ждут тебя у моего домика, проведи экскурсию, – крикнула она уже на бегу.

Я даже засмеялся от радости: какая все-таки Вероника замечательная! Я помчался со всех ног к Летней дуге, придумывая на ходу, что сейчас скажу Осташкиным. Но так ничего умного и не придумал, выпалил с ходу:

– Меня Вероника послала вас с поселком познакомить. Пойдемте?

И тут Максим впервые улыбнулся. Такая улыбка у него была хорошая! И сам он весь замечательный! И сестра его тоже, и весь мир!

5

На наш Лысый остров часто приезжают разные делегации, потому что Степанов любит проводить научные конференции. Все взрослые в такие дни ужасно заняты и просят меня провести экскурсию – показать гостям поселок, Научный центр, бассейны и вольеры. Таких экскурсий я провел тысячу и сейчас начал рассказывать Осташкиным как по писаному:

– С высоты птичьего полета очертания Лысого острова напоминают силуэт дельфина. На условно называемом «дельфиньем брюхе» находится Поселок. Всего в Поселке восемнадцать домов. Все жители – сотрудники Научного центра, Пристани или Маяка...

– А что за Маяк? – быстро спросил Максим.

Я сбился, а потом вздохнул с облегчением: ведь им можно показать **НАСТОЯЩИЙ МОЙ ОСТРОВ!!!** То на острове, что я люблю!

– Потрясающий Маяк! – заторопился я. – Бежим на берег, я покажу! Это и маяк, и метеостанция. Для нас погода знаете как важна? А Маяк знаете какой? По нему все корабли ориентируются, он во всех лощах есть!

Когда мы подошли к Маяку вплотную, Роська выдохнула:

– Ух ты...

Огромная круглая башня из ноздреватого камня уходила ввысь, в небо, наверху был стеклянный купол со шпилем и флюгером в виде штурвала.

– Он был построен больше тысячи лет назад, представляете? Только купол уже сейчас сделали и шпиль...

– Разве на острове есть местные жители? – удивилась Роська.

– В том-то и загадка, что нет. Неизвестно, кто построил, когда и зачем. Понимаете? Археологи приезжали, искусствоведы. Спорили, искали, но ни к чему не пришли.

– А внутрь не пускают? – спросил серьезный Максим.

– Вообще-то пускают, дядя Фаддей добрый... Сходим как-нибудь, это лучше вечером, когда включают Маяк. Пойдемте лучше я вам нашу гордость покажу, памятник природы.

Мы опять поднялись в Поселок. Маяк стоял на мысу Плавник, и к Поселку от него вели четыре каменные лестницы. Мы прошли по Невскому проспекту и вышли к Чуду-Юду. Так у нас ласково называли огромный кедр. Он был такой высокий, что приходилось отходить к самому Центру, чтобы увидеть его макушку, а обхватить его не мог никто, даже Иван Петушков. Корни у кедров были выворочены наружу так, что я мог спокойно под ними пройти.казалось, что это великан, у которого много узловатых покореженных ног. Иногда мне представляется, что ночью Чудо-Юдо вылезает из земли и бродит по Поселку, в окна заглядывает, с дельфинами разговаривает, а утром возвращается на свое место. Расправляет зеленые мохнатые ветки как ни в чем не бывало: никуда, мол, я не ходил, стою как стоял.

– Как в пещере, – прошептала Роська, когда мы забрались под корни.

– Я, когда маленький был, всегда здесь прятался, – сказал я.

– От кого?

– Ну, так... просто играл.

Максим понимающе кивнул, а Роська погладила могучие корни.

Я показал Осташкиным площадь Памяти. Площадь была вымощена черными плитами, на ней стоял камень-валун, на котором были высечены слова: «Памятники не заменят людей, но пусть этот камень, поднятый со дна моря, напоминает нам, что жизнь погибших товарищей и близких продолжается в наших делах и совместных начинаниях, в наших жизнях и нашей памяти...»

Мы молча стояли рядом с камнем. Роськины глаза намокли, она смотрела под ноги. Максим сказал строго:

– Хорошо написано. Так и надо.

Я был согласен с Максимом, поэтому и привел их сюда. Я хотел как-то показать, что понимаю их горе. Но как сказать это словами, я не знал.

Мы еще походили по Поселку, посмотрели на огромное здание Центра, а потом пошли к дельфинам. По дороге я рассказывал:

– Все улицы у нас с названиями, чтобы интереснее было, чтобы как будто настоящий город. Целое заседание собирали! На повестке дня – названия улиц в Поселке. И знаете, что Степанов придумал? Люди-то съехались из разных городов, вот и взяли из каждого по улице: есть Арбат из Москвы, Невский проспект из Санкт-Петербурга, Приморский бульвар из Одессы, еще есть Байкальская, потому что Силин из Иркутска; а Пристань называется Графской, как в Севастополе... Просто так, конечно, тоже придумывали. Вот, например, улицы Первого Дельфина ни в одном городе нет, только у нас. Это Мераб Романович Чолария так назвал, у него теория своя. Он доказывает, что китообразные – первые жители планеты, что у них своя цивилизация, своя история, даже фольклор свой, что они раз в сто умнее нас.

– Правда? – распахнула глаза Роська.

Я пожал плечами:

– С ним почти никто не соглашается, если честно.

– А ты? – спросил Максим.

Я растерялся, потому что никогда об этом всерьез не думал. Мне нравился Чолария, хоть все в Поселке над ним посмеивались, считали его чудаком и дилетантом (несмотря на то что он единственный друг Степанова). Я вырос рядом с дельфинами, знал их повадки, иногда мне кажется, что я даже понимаю их язык. Я очень люблю дельфинов, они самые лучшие, самые умные звери на свете! Но принять чолариевскую теорию мне что-то мешало. Может быть, скептическое отношение к ней моего отца. И я сказал Осташкиным честно:

– Я не знаю.

– А я верю, – еле слышно прошептала Роська, стрельнула глазами на Максима и перевела разговор: – А почему названия улиц прямо на асфальте написаны? Все ходят, топчут...

– А где еще писать? Домов мало, а указатели ставить глупо, здесь и так не заблудишься.

– А лестница, по которой мы от маяка поднимались, там тоже что-то написано. Название?

– Это Первый Маячный спуск. Их всего четыре.

– А я думала, просто лестница...

– Да конечно, просто! Это Леша Смелый название придумал и написал, самовольно.

– Потому и Смелый?

Я рассмеялся:

– Это фамилия! У Вероники – Невозможная, а у Леша – Смелый. Весь Поселок мечтает их поженить, чтобы Вероника из Невозможной стала Смелой, хотя она, конечно, и так...

Роська сбила шаг и как-то по-особенному тронула меня за рукав.

– Сережа, скажи, неужели она действительно такая уж невозможная?

Тут я понял, что значит выражение: «Готов был сквозь землю провалиться». Ведь Вероника их двоюродная сестра! «Какая бестактность!» – сказала бы мама. И я сказал запинаясь:

– Да нет, она хорошая, просто... очень непохожа на других. Мама говорит, что она... м-м-м... неординарная личность.

– Неординарная личность легка на помине, – сказал Максим. К нам приближалась Вероника.

– А, вот вы где! Племянники – за мной, вас хочет видеть начальство. Листик – свободен!

Конечно, она невозможная! Невыносимая, непереносимая, даже слов нет! И чего это она Осташкиных племянниками называет, если она им всего-то сестра?! Конечно, для солидности! Тетушка!

Уводя Максима и Роську, Вероника улыбнулась:

– Спасибо, Листик. Приходи к нам сегодня чай пить.

6

Вечером мама пришла ко мне в комнату, погладила по плечу и спросила:

– Рад, что ребята приехали?

Мама всегда понимает меня лучше всех, ей можно даже не говорить всего, а она уже догадается.

– Хорошо, что приехали, – сказала она. – Особенно девочка. Она такая аккуратненькая, такая вежливая и вообще...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.